

Знанием объединимся
Scientia unescamus

Дружба

№9 (1383)
9 мая 2010

Российский университет дружбы народов

65 лет Великой Победе

Наши ветераны-фронтовики

Владимир Иванович Алисиевич

Геннадий Петрович Жуков

Дорогие ветераны!

От всей души поздравляю Вас с великим праздником – Днем Победы! Только благодаря Вашему неоценимому подвигу мы живем под мирным небом над головой в свободной стране, в нашей прекрасной, полной перспектив и надежд столице. Война красной линией разделила жизнь и историю на «до» и «после», осталась в сердцах людей щемящей болью и огромной благодарностью Вам, сражавшимся за Родину. И каждый день, переступая порог нашего Университета, мы вспоминаем о Вас и говорим спасибо за то, что у нас есть РУДН, есть все возможности для того, чтобы развиваться, становиться хорошими специалистами, учеными и, прежде всего, приложить все приобретенные знания и опыт к тому, чтобы не повторилась на земле трагедия Второй Мировой войны.

Со Дня Великой Победы прошло 65 лет. 50 лет, дорогие ветераны, мы с Вами в стенах нашего уникального Университета показываем миру, что дружба народов – не миф, а реальность, построенная на принципах толерантности, духовности и глубокого взаимоуважения. И именно Вы являетесь нашими духовными наставниками, именно благодаря Вашей внутренней силе и любви к жизни на планете РУДН процветает мир.

Я желаю Вам долгих лет жизни, здоровья и благополучия во всем! Мы пронесем Вашу победу от поколения к поколению вечным огнем, горящим в наших сердцах! Низкий поклон Вам, дорогие ветераны!

Ректор Российского университета дружбы народов,
академик В.М. Филиппов

Борис Ефимович Зайцев

Вячеслав Иванович Ельцов-Стрелков

Александр Абрамович Леви

Яков Алексеевич Ломко

Иван Михайлович Панин

Анатолий Сергеевич Протопопов

Николай Андреевич Струков

Борьба за победу в тылу врага

**И то,
Что может сделать он
И тол
(пятнадцать килограммов),
Не в силах целый батальон –
Пусть даже смелых и упрямых!**

Евгений Александрович Телегуев с 1942 года по 1943 являлся командиром диверсионной группы партизанской бригады «Неуловимые», действовавшей в тылу немецко-фашистских войск на оккупированной территории Белоруссии. Евгений Александрович принимал участие в осуществлении девятнадцати диверсионных операций на железнодорожных коммуникациях противника.

В июне 1941 года, сразу после окончания школы в Иркутске, он приехал в Москву поступать в институт. Где-то на полпути к столице поездное радио сообщило о начале войны с Германией...

Что делать дальше? Такого вопроса для комиссарского сына Евгения, воспитанного в патриотическом духе, не было: ему было ясно, что в Москве надо идти не в институт, а в военкомат. Поэтому прямо с вокзала туда и отправился. В военкомате его выслушал майор и сказал: «Твой год не призывной, поэтому и говорить не о чем». Тогда Евгений пошел в Краснопресненский райком комсомола. Там к нему проявили интерес, особенно после того, как узнали о его спортивных достижениях и некоторой охотничьей практике. Записали адрес, пообещали вызвать. И вскоре вызвали. Направили в Москву, в воинскую часть, формировавшуюся только из добровольцев.

«Мы жили под Москвой, в летнем палаточном городке на стрельбище «Динамо», – рассказывает генерал-майор в отставке. – Упорно занимались боевой подготовкой, но никто нам не говорил, когда же наконец на фронт и каково предназначение нашей части. Много было странного. Известно, что новобранцев в армии бреют наголо, а нам, напротив, запретили стричься. Все знают армейскую структуру: отделение, взвод, а у нас – звено, отряд, как у пионеров. К тому же в части служат знаменитые спортсмены – Королев, Щербаков и братья Знаменские. Сначала изучали парашютное и подрывное дело, топографию, оказание медпомощи раненому, потом вдруг переключились на строевую подготовку. Оказалось, что наша часть является отдельной мотострелковой бригадой особого назначения НКВД, что нас готовят к заброске в тыл противника. А строевую подготовку усилили потому, что нам предстояло участвовать 7 ноября 1941 года в параде на Красной площади...»

Дорогие читатели, вы держите в руках номер газеты «Дружба», посвященный одному из самых важных и светлых праздников – Дню Победы. Вот уже 65 лет прошло с тех пор, как кровью и великой силой духа советского народа было отвоевано право на свободную, мирную жизнь. Наше поколение знает о войне из учебников истории, фильмов и кинохроники, из воспоминаний людей, выживших в этой жестокой битве за свободу. И порой становится так страшно, когда молодые люди не могут назвать знаковые даты войны или не знают своих героев, считая, что это было так давно и помнить об этом совсем не обязательно. Страна непомнящих свою историю подобна медленно тонущему кораблю. На страницах нашей газеты много раз поднималась проблема исторической памяти народа, много говорилось и том, что, не зная своего прошлого, будущего не построишь. Как нельзя актуально эти слова звучат 9 мая.

Война сравнима с клинической смертью человека. Немногих удастся спасти, но тот, кто выжил, считает этот день своим вторым рождением. 65 лет назад мы все обрели второе рождение, и от поколения к поколению протянулась нить, связывающая всех нас, нить новой жизни. Цель каждого человека не потерять эту связь и не забывать о тех, кто подарил нам шанс быть свободными людьми.

Номер, который вы видите перед собой, – доказательство того, что война и победа в ней – это не что-то далекое и отстраненное, а наоборот. Вот она, совсем рядом. В седых волосах наших дедов, в крошках хлеба, так трепетно сохранных бабушкой, в каждой их упавшей слезе и улыбке радости.

На этих страницах мы открываем другую историю, историю войны как личную трагедию и победу наших родных. Рассказать об их жизни – честь для нас, помнить о них всегда и сделать так, чтобы память о победе над фашистами жила в веках, – наш святой долг. Пусть эти истории отзовутся в ваших сердцах трепетом и благодарностью и еще раз убедят в том, что война – это не то, что было когда-то давно, а то, что было вчера, это не то, что произошло с кем-то другим, а то, что произошло с тобой.

Редакция газеты «Дружба»

Вечная память героям

**«Фотографии военных лет,
Фронтowych сороковых глаза,
И непрошено бежит слеза,
Ах, каким был молодым мой дед...»**

А в моем случае целых два. Два прадеда, совсем еще юные на момент начала войны, но такие отважные! Смотришь на их фотографии и понимаешь: они ведь были такими молодыми, а один из них даже был моим ровесником. Как бы мне хотелось поговорить с ними, послушать рассказы об их жизни, о своих бессмертных подвигах на войне, каждый из которых сыграл немаловажную роль в ходе военных действий. Но так сложилось, что ни одного из них в живых я не застала.

Одного прадеда звали Владимир Алексеевич Седов. Будучи семнадцатилетним юношей, он сбежал на фронт. Свой военный путь Владимир Алексеевич начал с пехоты. Пройдя войну от первого до последнего дня, был трижды серьезно ранен. По словам моей прабабушки, его жены Марии Михайловны Седовой, про войну рассказывать он не любил. Отвечал всегда коротко и односложно, не вдаваясь в подробности. Каждое воспоминание о войне давалось ему с трудом.

В послевоенное время прадедушка работал в милиции, продолжал защищать свое Отечество и в мирное время.

Второго прадеда звали Борис Сергеевич Ручнев. Он был лейтенантом. Служил в городе Пскове, откуда и ушел на фронт. Со временем новостей о нем стало поступать все меньше и меньше, а потом связь и вовсе оборвалась. В декабре 1941 года Бориса Сергеевича признали пропавшим без вести. Только два года назад мой отец, внук Бориса Сергеевича Ручнева, нашел рассекреченные документы о погибших в Великой Отечественной войне, где была информация и о его дедушке. Мы узнали, что он был смертельно ранен в бою, защищая город Елец от немцев. Борис Сергеевич погиб 14 декабря 1941 года от пулевого ранения в легкое и был похоронен в селе Недоходовка.

Узнав, где находится его могила, мы сразу же поехали туда. Жители села показали нам две братские могилы около памятника воинам. В одной из них и был захоронен мой прадед еще с одним офицером. Во второй было девять солдат. Удивительно, но только тогда я поняла, что же такое «братская могила».

Хотя, к моему большому сожалению, я не видела своих прадедов, не имела чести знать их лично, я все равно очень горжусь тем, что, не жалея своих жизней, они встали на защиту своей Великой Родины – России.

Мария Сидоренко

И нас судьба не миновала, и нас беда не обошла

За окном сумерки. Камин. Легкий треск дров. Длинные седые волосы. Морщины. Небесно-голубые глаза, полные слез. Ей 70, мне восемь. Как мне тогда казалось, бабушка рассказывала долго и нудно. Страх, боль, потери... Я не вникала в смысл этих слов, ведь, будучи ребенком, считала все сказкой из далекого прошлого. Чмокнув бабушку в щеку, побежала смотреть мультфильм еще советского производства.

Прошло десять лет. Мне 18, а ей уже 80! Снова чмокаю бабушку в щеку, но уже по-другому, не с детской наивностью, как когда-то, а с искренней благодарностью за ее силы, за ее волю... Родной голос «переносит» меня в село Ближнее Сормово Канашского района Чувашской Республики, в день начала войны, в 22 июня 1941 года.

Весть о наступлении гитлеровцев застала сормовчан во время жатвы. В здании сельсовета было душно, все напряженно слушали сельского старосту. А уже вечером взрослое мужское население собралось на конном дворе. Женщины и дети провожали своих сыновей, мужей, отцов, братьев, не зная, даст ли Бог им встретиться когда-нибудь еще.

«В нашей семье было пятеро детей: Иван, Николай, Александр, я и Алексей. Отца я совсем не помню, он умер еще до начала войны, а мы остались на попечении матери.

Николай до июня 41-го служил в Маньчжурии, вернулся в родное село, но, не пробыв дома и месяца, вновь отправился на службу. Прощаясь, мама сказала: «Может, больше не свидимся... Я буду ждать тебя, сынок!».

На фронт ушел и Иван. Именно из его письма семья узнала: «Мама! Николай погиб. Мне вовремя сообщили о его ранении, и я смог навестить его в госпитале. Он все время вспоминал о вас. Я его оставил, а вернулся только через две недели... Уже на похороны. Мама! Прости, что не уберег нашего Коленьку! Люблю вас.». Мама вытерла мокрые от слез глаза. Николай погиб в сентябре 1941 года. Материнское чувство никогда не

подводит – та встреча была последней. Я еще долго слышала, как по ночам она плачет, уткнувшись в подушку, чтобы не закричать от боли, неизвестности, чтобы не напугать нас. Иван же ковал победу все 1418 дней и ночей, дошел до Берлина и после победы вернулся в родное село. На Доске почета, открывшейся сразу после войны как мемориал памяти погибшим, выбито имя Николая, а имя Ивана туда внесли в 2000 году.

Мы часто оставались одни. Мама и другие женщины уходили ранним утром к реке Суре (приток Волги) рыть окопы. К счастью, до Чувашии немцы не добрались. Весь день мы, дети, работали то на полях, то в огородах. До прихода матери доживали едва-едва: обессиленные, мы не могли даже приготовить что-то съестное. Да и ели мы немного: с каждого двора в областной центр, город Канаш, отправляли сжатое зерно, а на фронт – по 40 килограммов мяса, восемь килограммов масла и 100 яиц. Сами же мы довольствовались сгнившей картошкой, которую находили на необработанных полях.

Да, жили в то время очень бедно. Не было даже лаптей. Летом голые ноги все время были в ранах, занозах, синяках, ссадинах.

Но, как бы страшно ни было, в нашей жизни хватало и веселых моментов. В годы войны намного больше поездов стало проходить по близлежащей железной дороге. Мы, маленькие дети, впервые увидевшие поезд, принимали его за змею. Смешно, не правда ли?».

Бабушка замолчала. Слезы катились по ее щекам. В тот самый момент в моей голове промелькнула мысль: страшно даже подумать, насколько война изменила ее жизнь, как трудно было терять любимых и близких людей. Сколько бед и лишений пришлось ей вытерпеть!

Дрожащий голос нарушил тишину: «А мне ведь было всего 10 лет...».

Ксения Кириллина

Из жизни тыловика

Наверно, нет ни одной семьи, которую бы обошла стороной Великая Отечественная Война. В любой есть свой герой, но у каждого своя история.

В нашей семье на фронт ушли все мужчины, а женщины помогали им, находясь в тылу.

Одна из моих бабушек, Валентина Ивановна, поделилась воспоминаниями о тех страшных днях.

«До войны наша большая дружная семья жила в достатке, мне покупали красивые платица, туфельки, все – впрок. Хранились эти «сокровища» в сундуке у дяди. В 1941 году 17 мая папа отвез меня, братика Сашу и маму на летние каникулы к бабушке в деревню. Тогда мне было всего 12 лет. А 21 июня того же года было объявлено, что на нас напала фашистская Германия. Столицу стали бомбить, и папа прислал письмо, чтобы в Москву мы не возвращались.

Все наши мужчины с наступлением войны ушли на фронт, даже мой шестнадцатилетний братик добровольцем ушел в танкисты. В домике в деревне нас осталось восемь человек: три женщины, которые целыми днями рыли противотанковые рвы в лесу, и пятеро детей. Так как мы приезжали в деревню только на лето, ничего в огороде особенного не было. Чтобы как-то прожить, мама начала распродавать наши вещи и другие припасы из дядиноного сундука. Продаст и купит стакан соли, кусок хозяйственного мыла, спички и оставит чуть-чуть денег на керосин, для самодельной лампы, которую включали на несколько минут перед сном.

Так как все мужчины ушли на фронт, женщины стали выполнять мужскую работу, а мы, подростки, стали выполнять женскую работу: скирдовали, пололи, косили траву, сеяли зерно, вязали снопы. В шесть часов утра мы запрягали слабеньких лошадок (всех здоровых и молодых забрали на войну), грузили на них мешки с зерном и везли за 20 км от дома на элеватор. На телеге с зерном развевался флаг с надписью: «Все для фронта, все для победы!». А после того, как отвезем, спешили в школу, которая находилась за 5 км от дома. В школе писали на листках, похожих на современные салфетки.

Кушали во время войны в основном супы из картошки и капусты, а в самом начале войны – вообще из травы: щавеля, крапивы, петрушки. От голода у моей сестры началась куриная слепота, многие умирали.

За труд в полях во время войны денег не платили, а за рабочий день в нашей книжечке колхозника ставилась единица, или, как мы ее прозвали, «палочка». Так все лето мы работали за «палочки», а осенью, после уборки урожая и сдачи заготовок на фронт, нам заплатили 100г ржи или пшеницы (в зернах) за один трудодень. Эти 100г зерна мама меняла на муку на мельнице, так как печь хлеб было трудно: не хватало ни дров, ни спичек, да и муки не так много было. В лес за дровами ходить было нельзя, там был объездчик, который штрафовал каждого даже за попытку срубить деревце. Нашу соседку тетю Дашу, у которой было трое маленьких детей и большой 84-х летний отец, посадили в тюрьму на восемь лет за карман ржи. Все молоко, яйца, даже шкуры животных

отдавали в качестве налога.

Наступил 1944 год, нам с мамой разрешили вернуться в Москву, но я приехала одна и устроилась на военный завод «Почтовый ящик 426» в Б.Савинском переулке. Мне было 15 лет, а я уже работала в сборочном цеху, мы собирали двух-, трех- и четырех-полюсные пакетные выключатели для подводных лодок. На работе был медпункт, где нас учили перевязывать раны, накладывать швы... в столице было очень мало госпиталей, в основном все были в полях, да и все госпитализированные рвались обратно на фронт.

В Москве были карточки, по которым выдавали продукты: 500 г хлеба для взрослых, а детям 350г. А если ты работал на военном заводе, тебе давали 650 г хлеба, 1 кг крупы, 1 кг мяса, 1 кг рыбы, 10 яиц, сахар, соль, детям – суфле. И все это на месяц.

Девятого мая я встала в 6 утра и начала собираться на работу, за окном, как и всегда в это время. Звучал гимн СССР, и вдруг диктор Левитан сказал: «8 мая подписан акт капитуляции Фашистской Германии. Война выиграна нами!» Весь народ в слезах радости выбежал на улицы. Был объявлен праздничный день. Всех военных поднимали на руки и подбрасывали вверх, их обнимали, целовали, благодарили. В 10 часов вечера был удивительно красивый салют, такого я не видела больше ни разу в жизни. Стали возвращаться домой мужчины. Первыми отпустили старших военных, а многих молодых оставили еще на год в армии.

Из моих родных вернулся только брат Петя, который служил на флоте, на Дальнем Востоке, в поселке Шкотово, где стояли торпедные катера. Дядя Миша погиб и похоронен под Смоленском. Дядя Паша погиб в госпитале от ран в городе Невская Дубровка. А мой отец Иван Ефимович и дядя Яша погибли и похоронены в одном Богу известном месте. Мы не получали ни извещения, ни свидетельства об их смерти, поэтому с тех пор мы возлагаем цветы на могилы неизвестным солдатам. Когда война закончилась, я решила разыскать могилу моего отца и поехала в центральный архив в город Подольск. Сотрудники искали его и в живых, и в мертвых, но не нашли. Когда я спросила у старшего сотрудника “Куда делся мой отец?”, он ответил: “Дочка, чего вы удивляетесь, такие были бои и сражения, что города с лица земли стирались, а вы хотите найти человека”».

Свой рассказ о военных годах бабушка закончила словами: «До сих пор не могу понять, как нам удалось победить. Думаю, потому что и фронт, и тыл были единым целым. Люди отдавали последнее ради победы, а у кого были деньги, даже покупали для фронта самолеты, танки... У кого их не было, передавали соленья, вязанные варежки, носки... Каждый, кто участвовал в войне или хотя бы жил в то время, достоин уважения и почестей! Это наши герои, люди, стоявшие до последнего за свою родину!».

Четвертого марта бабушка получила в подарок юбилейную медаль в честь 65-летия со дня победы в Великой Отечественной войне.

Антонина Волкова

Перебирая воспоминания

Орден Красной Звезды, Орден Славы, боевые и юбилейные медали... А вот фотография: концентрационный лагерь, на фоне колючей проволоки несколько человек. Среди них мой прадедущка Степан Тимофеевич Демидов. Осунувшееся лицо. Потухший взгляд. Рассказывать о войне он никогда не любил. Внуки с трудом уговаривали поведать хоть что-нибудь. И дедушка неохотно пересказывал давние события, иногда позволяя тронуть оставшуюся в предплечье пулю. Он рассказывал, как добровольцем ушел на фронт, как оказался в плену под Польшей, как там пригодилось его умение вязать. Из обрывков ниток и немецких мочалок дедушка Степан вязал носки для пленных, что многим в тех нечеловеческих условиях буквально спасло жизнь. Он старался не говорить об ужасах войны, опуская и те истории, где проявил себя героем. Он так и не рассказал, как получил награды. А ведь после освобождения, отлежав в госпитале пару недель, Степан Тимофеевич снова отправился на фронт. Он говорил, что сражался за Родину, за жену, за сына. У дедушки с семьей была какая-то особенная связь. Когда прабабушке прислали похоронку, то она просто не поверила. И через полгода, когда пришло

Подвиг мужества

Прошло 65 лет с тех пор, как мир избавился от фашизма – самого страшного явления XX века. Много слез, горести и печали принесла Великая Отечественная война на нашу землю, многих на ней мы потеряли, но жива вечная память тем, кто отдал свои жизни за мирное голубое небо, за детский смех и новую весну. Постарели дети войны, выросли их внуки... Но мы никогда не забудем о тех подвигах мужества, которые они когда-то совершили, стойко защищая свою Родину, свое Отечество!

С каждым десятилетием у человека появляются новые взгляды на жизнь. Но есть истина, которая никогда не должна меняться, – долг перед теми людьми, защитившими нашу Родину. И эта истина будет жить и в нас, и в наших детях. Поэт Р. Рождественский в своем «Реквиеме» призывал вспомнить «всех поименно», справедливо утверждая: «Это нужно живым». К сожалению, поименно – нет возможности. Чаще вспоминают так: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

9 мая поистине можно назвать священным Днем. Он навеки останется в истории человечества. Вся война, от событий 1941 года до последних ударов по немецким войскам Советской Армии, представляет собой эпопею невиданного героизма. И сколько бы лет ни прошло, люди Земли снова и снова будут возвращаться к Победе, которую принес миру советский солдат.

Отгрохотали годы лихолетий. Давным-давно окончилась война, Но осаждают, как и прежде, дети: «Дед, расскажи, какой была война?» «Какой была? Была она холодной, Задымленной, голодной, затяжной, Бескомпромиссной, грозной, всенародной,

Священной, справедливою войной...» Казалось бы, я все знаю о своем дедушке Федоре Евлампиевиче Кузнецове. Но, как оказалось, не все. Из-за его скромности. В этом и проявляется благородство. Биография моего дедушки – история жизни простого человека, но она не может оставить равнодушным никого.

Он родился 27 февраля 1925 года в городе Оса Пермской области. От детства осталось мало светлых воспоминаний... Ему исполнилось 14 лет, когда ушла из жизни мать. Он был вынужден самостоятельно заботиться о хлебе насущном: работал грузчиком, мотористом, кузнецом.

В сентябре 1943 года восемнадцатилетнего Федора призывают на фронт. Его определили в четвертый полк 22-й танковой бригады, он управлял Т-34. Был несколько раз тяжело ранен и контужен, несколько раз горел в танке, а 24 марта 1943 года считает своим вторым Днем рождения. В этот страшный день

написанное живым и здоровым дедушкой письмо, она бежала по улице с криками: «Степа – живой!». Вернувшись с войны, дедушка остался добродушным, даже веселым, но старался не вспоминать тех лет. Часто он выдумывал невероятные забавные истории, чтобы не рассказывать внукам жуткие. Однажды он все-таки решился заговорить о том, как попал в плен. По его словам, во время артиллерийского обстрела, когда оставалось только лежать в окопе и не двигаться, он умудрился заснуть. Под гул самолетов и взрывы. Проснулся Степан Тимофеевич уже в немецком окружении. Рассказывал он об этом, скорее, как о каком-то приключении, а не трагическом моменте своей жизни. Да так, что жена, дети и внуки не могли сдержать смех. Но гораздо проще ему было отмалчиваться. Дедушка отказывался показывать ордена и медали. Форму доставал лишь на 9 мая, льготные талоны он аккуратно складывал в шкапулку, но наотрез отказывался ими пользоваться. О своем прошлом мой прадедущка не жалел, но он им и не гордился. Нужно было отстоять свою Родину – он отстоял. Но так и не смог забыть, что ради этого пришлось пройти.

Ольга Евдокимова

танк моего дедушки в очередной раз горел... Все его товарищи погибли – он один остался жив. Сегодня дедушка вспоминает об этом со слезами на глазах: «Это было страшно...очень страшно. Боялись, что больше никогда не увидим синеву неба, не почувствуем тепла родных...». Они шли на фронт и прекрасно понимали, что кто-то останется лежать на холодной земле и больше никогда не услышит радостного детского смеха, не увидит, как цветет черемуха, не познает истинной любви... Знали, но шли... Шли, потому что нужно было отстоять свой дом, свою семью, свою Родину. Безусловно, для меня, для моей семьи, для всей страны это – подвиг. Подвиг, о котором мы будем помнить, говорить, писать...

Он дошел до Праги, но в 45-м война для него не закончилась – впереди была Япония, где еще два долгих года он отстаивал честь своей страны. Он форсировал хребет Большой Хинган, взял город Мукден, Дайрин, Порт-Артур... И лишь в 1947 году его демобилизовали.

За смелость и доблесть он награжден многочисленными медалями и орденами: за взятие Праги, за победу над Японией, а также имеет благодарность верховного главнокомандующего Сталина за мужество, стойкость и мастерство, проявленные на войне...

День Победы они приближали, как могли, засыпали и просыпались со словом «победа» на устах. Сегодня мы чувствуем их как победителей, как освободителей, как настоящих героев – мы гордимся ими, ведь они защитили свое Отечество!

Мой дедушка для меня герой. Герой, который совершает подвиги мужества.

После войны он поступил в медицинский институт и успешно его окончил. В мирное время работал врачом, каждый день он возвращал людям самое ценное – жизнь. Сегодня он пенсионер, радуется, как взрослеют на глазах внуки, гордится своими сыновьями... Такие люди, как он, приближали День победы, делали все, чтобы мы сегодня могли жить в мире, учиться и созидать.

Среди весны, когда радостно поют птицы, цветет сирень и черемуха, земля дымится зеленой молодой хлеба, наступает святой для нашей родины день, когда мы вспоминаем тех, кто уплатил высокую цену во имя Победы, вспоминаем живых и усопших. С каждым десятилетием у человека появляются новые взгляды на жизнь. Но есть вечная истина, которая никогда не изменится – это долг перед защитниками, перед героями, которые отдали жизни за мирное голубое небо, за детский смех и новую весну...

Анастасия Кузнецова

Герой войны и мира

В 1747 году Михаил Васильевич Ломоносов высказал надежду на то, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать».

И его чаяния, к счастью, оправдались. В России всегда было много талантливых ярких людей, которые принесли огромную пользу своей стране не только в мирное время, но и в трудные годы Великой Отечественной войны.

Одним из таких людей был брат моего дедушки, герой Социалистического Труда и известный ученый-онколог Александр Иванович Савицкий. Несмотря на то, что он не сражался на фронте и не работал в тылу, его помощь Родине поистине неоценима. Открытия и научные труды Александра Савицкого и его самоотверженная работа хирургом в госпитале сохранили жизнь и здоровье сотням людей.

А началось все в далеком 1899 году, когда у отца маленького Саши Савицкого обнаружили опухоль. Наблюдения за мужественной борьбой врачей, спасавших отца, оставили неизгладимый след в душе мальчика, и он решил посвятить себя медицине. Это дело захватило его целиком и полностью. Свойство характера Савицкого – относиться к любому поручению со скорпуплезной преданностью – не могло не прийтись по душе руководителю хирургической клиники медицинского факультета Московского университета, известному профессору И.К. Спижарному. Он и предложил талантливому студенту работу в клинике. Молодой хирург в совершенстве овладевает многими методиками, которые только начинали применяться в нашей стране. Он делает ювелирные операции на пищеводе, считавшемся «запретной зоной» для врачей того времени. В 1940 году вышла монография Александра Савицкого, которая по сей день является монументальным руководством по лечению заболеваний пищевода. Однако главной областью его научной деятельности была борьба с раком. Александр Иванович был главным онкологом и начальником Управления противораковых учреждений Министерства здравоохранения СССР, многие годы возглавлял Центральный онкологический институт имени Герцена, был почетным председателем Всесоюзного общества онкологов.

Накануне второй мировой войны профессору Савицкому, как и многим другим талантливым и известным ученым, поступило предложение об эмиграции, однако он отверг его, даже не раздумывая. У Александра Ивановича было шесть братьев, и все они ушли на фронт, поэтому он не мог оставить их и бросить страну, за которую они сражались. Тогда А.И. Савицкому было уже 54 года, и он с юношеским пылом отдавался служению Родине, работая на кафедре госпитальной хирургии первого Московского медицинского института. Среди его работ по военно-полевой хирургии приобрели широкую известность методы лечения ранений суставов, обморожений, огнестрельных ранений груди и многие другие. Трудностей в те годы приходилось преодолевать много: голод, от которого страдали все, нехватка медикаментов и оборудования, огромное количество пациентов и мало врачей...

Александр Иванович трудился, не жалея себя. Даже приехав навестить

брата в город Егорьевск, он и там работал в госпитале, занимаясь особо тяжелыми пациентами и прекращая работать только тогда, когда от усталости начинали дрожать руки и темнело в глазах.

С его приездом связана одна история. В редакцию егорьевской газеты «Красный путь» пришло письмо из далекой Сибири. Писала старушка, внук которой находился в одном из госпиталей города, но она не знала, в котором. У этой старушки не было никого, кроме внука, она умоляла найти и сообщить о его состоянии. Главный редактор газеты, Тамара Львовна, откликнулась на эту отчаянную мольбу, и молодой боец был найден. Он находился в очень тяжелом состоянии – умирал от гангрены, и ему грозила ампутация ноги. Будучи родственницей профессора Савицкого, Тамара Львовна обратилась к нему с просьбой о помощи. Александр Иванович не хотел оставлять 20-ти летнего парня инвалидом на всю жизнь, поэтому он долго думал над тем, как сохранить ему ногу. И, наконец, способ был найден. Операция прошла успешно, боец выжил и, что самое главное, остался здоров. Теперь он мог вернуться домой и помогать своей старой бабушке, чье письмо сыграло важную роль в его спасении.

Еще одна история, которую рассказывал Александр Иванович, произошла уже в Москве. Однажды на кафедре, где он работал, отключили электричество, а в это время как раз привезли солдата, которому требовалось срочно сделать операцию. Ждать, пока дадут свет, было нельзя и операцию пришлось проводить при свете коптилок, которые давали очень слабый огонь, гаснущий от малейшего движения воздуха. Поэтому двигаться и разговаривать нужно было очень осторожно. Александр Иванович потом говорил, что сам не понимает, как удалось успешно провести операцию, и что ему в этом помогло: многолетний опыт ли, удача или огромное желание сохранить жизнь бойцу.

Профессор Савицкий даже в грозные военные годы не прекращал думать о наступлении на рак. Вместе со своими коллегами и учениками он проделал большую работу для претворения в жизнь постановления правительства об улучшении онкологической помощи населению. Так в 1945 году и родилась у нас противораковая служба, которой не было ни в одной стране мира, появилась самостоятельная медицинская дисциплина – онкология, возникла новая специальность – врач-онколог.

Александр Иванович Савицкий много сделал для своей страны и для ее народа. Перечисление всех его титулов, наград и научных работ займет страницу.

Однако сам он всегда был скромным и не считал, что он сделал что-то выдающееся. «На самом деле, моя жизнь вовсе не блистала эффектными открытиями. Если у меня и есть какие-либо заслуги перед медициной, то это не универсальные лекарства и не сенсационные воскрешения, а многолетний упорный труд в исследовании природы злокачественных опухолей», – сказал он за несколько лет до своей смерти.

Его скромность, самоотверженность и страсть к медицине заслуживают восхищения. Его работа в военные годы – огромной благодарности. Его имя стоит того, чтобы помнить...

Екатерина Теклина

Дружба

Послеблокадный Ленинград

Сегодня Петербург считается одним из самых красивых городов мира. Сотни туристов съезжаются сюда со всех концов света, чтобы своими глазами увидеть знаменитые памятники архитектуры, пройтись по улицам Северной столицы России и прикоснуться к ее истории. Гуляя по современному Невскому проспекту, невозможно представить, что было с этим городом после снятия блокады в 1944 году. Лидия Павловна Баканова, пережившая оккупацию Новгорода, рассказала, как она и ее подруга оказались в Ленинграде после снятия блокады.

«Летом 1944 года моей подруге Нине была назначена командировка в Ленинград, и она решила взять меня с собой. Паспорта у меня тогда еще не было. С липовой справкой, которую мы легко достали, я решилась ехать с Ниной. В Ленинград можно было попасть только по пропускам и по вызову. Без документов туда никого не пускали. Мало ли, кто может приехать...

Когда мы прибыли на Новгородском поезде в Ленинград, нас стали проверять: – Документы? – спросил офицер.

Я показала ему свою справку. – Паспорт! – настаивал он.

– А паспорта у меня нет – ответила я. – В подвал!

В полуподвальном помещении было много народу. Там были все, кто приехал в город нелегально. Какое-то время приезжие должны были переждать там, Я, конечно, очень сильно испугалась. Еще не хватало мне таких неприятностей! А Нину пропустили. С документами у нее было все в порядке: и паспорт, и вызов, и командировка с печатью. Я помню, как она бегала и заглядывала в окна этого подвала. Тоже, видимо, переживала за меня. Но меня вскоре выпустили и дали разрешение идти дальше. Что моя подруга им сказала и как она их уговорила, я не знаю.

В Ленинграде Нина хотела найти свою тетю, а мне нужно было встретиться с крестной. Когда мы приехали, то были поражены тому, как опустел город. На улице никого не было. Пустота. Мы шли по ныне самой пешеходной улице в Санкт-Петербурге, по Невскому проспекту, и нам даже некого было спросить, как нам пройти на «Мойку». Мы не увидели ни одного автобуса, ни трамвая и ни одного действующего магазина. Шли пешком по Ленинграду. Голодные. Уставшие. Без

денег. Ее родственницу мы так и не смогли найти, а мою решили ждать на ступеньках ее дома. Крестная работала на заводе «Бавария», который выпускал пиво и различные соки. Когда она пришла и увидела нас, очень обрадовалась, но сказала, что ей нечем нас накормить, даже хлеба у нее не было. Помню, она дала нам сладкий сироп на блюдце, который мы слизали за несколько секунд...

Блокада длилась 872 дня, и страшно представить, сколько жизней она унесла за это время, сколько взрывов и разрушений она принесла «городу Петра». В прошлом году, 27 января, мне удалось побывать в этом замечательном городе. В этот день отмечалось 65-летие снятия блокады Ленинграда. На улицах висели десятки плакатов с фотографиями Петербурга с 1941 по 1944 годы, сотни цветов лежали на дорогах. Даже маленькие дети организованной группой аккуратно клали гвоздики на мокрый асфальт. Глядя на все это, невозможно сдержать слез...

Дарья Никитина

Только сильные духом могли

взять на себя эту роль

Чем не может гордиться ни одна страна мира? Что для всех и каждого лично беда? Где мы теряем друг друга навсегда? Ответ один – война! Столько пролитых слез, что можно сотворить море, столько крови, что можно превратить ее в ливень, который будет идти месяцами, а, главное – сколько жертв... в каждый дом вошла война, в каждую семью, в каждую судьбу!

Эта боль стала уроком для будущих поколений. Сегодня молодежь имеет возможность читать о том, что было пережито нашими дедами и прадедами, бабушками и прабабушками. Ведь каждый из них – творец истории, и именно они пережили трагические дни Великой Отечественной войны. На нас же лежит обязанность знать и помнить о кровавых следах тех лет.

Я хочу рассказать историю, произошедшую с моим прадедом. Его звали Андрей Семенович Татаркин. Он был танкистом и военную подготовку прошел в начале войны в Нижнем Новгороде. Сразу после окончания стажировки Андрея Семеновича отправили на фронт. Его боевое крещение произошло под Курском, а после он прошел тяжелый путь длиною в войну, освобождая Европу и участвуя во взятии Берлина.

Андрей Семенович, боевой, волевой, не сдерживал слез, рассказывая о войне моей маме! Был бой... танковая дивизия должна была прорвать фронт и вывести из строя как можно больше техники и оружия противника. Боевая машина Т-34 очень надежна, но война есть война, и зачастую даже мощные танки не в силах устоять перед снарядами. Танк моего прадеда был подбит, началось возгорание. В таких случаях ни о каком тушении речь не идет – важно спасение! Когда дед очнулся, он увидел своих товарищей, раненых и беспомощных, а танк все также горел... оглушенный, Андрей Семенович принялся спасать свой экипаж. Ему удалось вытащить из танка всех, однако командиру, к сожалению, оказать помощь вовремя не смогли – он скончался от полученных ранений. Смерть товарища, старшего по званию, попечителя и командира, оказала сильное влияние на гуманность и человеколюбие деда.

Контузия и осколок в руке, оставшиеся после того боя, часто напоминали ему о тех ужасных событиях. Это вечная память о самых страшных и невосполнимых потерях, которые только могут быть у человека. Это то же самое, что носить в себе кусочки той истории, того горя.

Узнав о войне из рассказов людей старшего поколения, я поняла, как были страшны те годы. Для каждого то время было не жизнью – это была борьба за мир, за жизнь, за справедливость. Только сильные духом люди могли взять на себя роль освободителей. Только Россия могла впитать в себя столько густой красной крови, соленых горьких слез. Только русский народ мог идти в бой, надеясь на светлое будущее своей страны, своих детей и всего мира в целом.

Марьям Осайли

Сталинград – город, спасший мир

Волгоград - город солдатской славы, больше известный в истории как Сталинград. Город, который не только не пал под натиском фашизма, но и смог остановить стремительное продвижение армий Рейха. Город-герой, который определил судьбу нашей Родины. Город-герой, который смог переломить ход Второй Мировой войны. Это настоящий памятник славы нашему солдату. Это одно из тех сражений в нашей истории, где на чаше весов была независимость государства.

Мне больно слышать, что кто-то не знает, какую роль сыграл этот город в судьбе каждого из нас. И вдвойне больно, потому что с этим городом связан я сам.

Мои родители родом из Волгограда, а бабушка Таисия Сергеевна, про которую я рассказываю, находилась еще в военном Сталинграде в тот самый день, когда немецкая авиация начала бомбить город. Сейчас моя бабушка, которой 88 лет, вспоминает: «Сказали, что Сталинград не сдадут, поэтому мы поехали в туда. Считалось, в городе безопасно. Мы приехали в Сталинград 22 августа 1942-го, а 23 уже началась бомбежка.

Шли мы тогда с начальником по улице, разговаривали. Слышим гул. Все громче-громче. Посмотрели в небо, а там, как черное облако, немецкие самолеты летят. Начали бомбить около Волги, потом заводы и сам город».

Я спросил, воевал ли кто-нибудь из родных на фронте.

«Братишка, муж и муж сестры. Мне тогда сон приснился. Видела три срубленные сосны. Потом рассказала маме, а она говорит – это к тому, что с фронта никто не вернется. Сон оказался вещим: так и случилось, никто не вернулся».

Мы немного помолчали, и бабушка продолжила: «Тяжелое время было. Есть было нечего, все жили за счет своих скудных запасов. Но все делились друг с другом, помогали. Мы тогда на мельницу бегали за зерном, иногда даже под бомбами. Собирали, грузили на машины. Когда объявили эвакуацию, я решила, что из Сталинграда не уйду.

А когда война закончилась, говорили, что Сталинграда больше вообще не будет, а будет деревня, потому что ни домика не осталось – все было разрушено. Но потом город восстановили».

Эта короткая, но тяжелая история моей бабушки показывает трагизм военного времени, когда уходили на войну самые близкие люди и не возвращались; когда приходилось рисковать жизнью каждый день, чтобы найти себе пропитание... На долго наших дедушек и бабушек выпало особенно тяжелое испытание – война. Война, самая страшная и кровопролитная в XX веке. А мы порой этого не понимаем и даже не интересуемся тем, как жили наши родственники. А ведь это – история! Живая история, которая открывается перед нами и которую ни в коем случае нельзя забывать!

Никита Шамарин

Лакомый кусок

Война выбивает из колеи, перекрашивает снег в красный, меняет зелень травы на серость пепла сожженных деревень, а вместо летнего дождя сбрасывает на землю пулеметные очереди. Война вламывается в миллионы жизней, ровняя с землей постройки из преодолений, личных подвигов и бывлых достижений, выкорчевывая из сердца гордость, принципы и все самые сильные качества человеческой души, которые каждый лелеет и бережно возвращивает в себе на протяжении всей жизни. Когда тебе 32, за спиной остается уже ни один этап на пути к совершенству: юношеские метания давно позади, главные жизненные принципы определены, а рядом идут люди, которых потерять страшнее, чем самого себя. Когда тебе 32, внутренний стержень ломается медленнее.

В 32 года Андрей Андреевич Тюлюпа попал в ряды понтонного батальона. Это было в 1941-м. Службу он нес по профессии: всю жизнь проработал шофером, был определен на должность водителя машины, предназначенной для перевозки материалов для постройки переправ.

Несмотря на всю прозаичность дела, с которым свела его судьба, человеком он был крайне неординарным: крутя «баранку» днем, по вечерам он радовал своих домашних игрой на скрипке, аккордеоне и мандолине. Творческая душа, рвущаяся из-под оков ремня безопасности, подсказала стезю, а идеальный слух, подаренный природой, обеспечил успешное развитие музыкального увлечения.

Как оказалось, навыками, жизненно необходимыми на войне, были не только умение стрелять и рулить. Важно было сохранить материю более тонкую и уязвимую, чем плоть, - сознание и моральный настрой. С опущенными руками оружие будет казаться непосильной ношей даже самому меткому снайперу. Поэтому по ротам и батальонам гастролировали сильные, смелые и самоотверженные артисты, своим творчеством заставляющие забыть на время обо всех бедах тех, кто каждый день, рисковал собой.

Для каждого солдата неимоверным счастьем было увидеть что-то, что напоминало о таких далеких минутах спокойствия и радости, проведенных рядом с родными. Что может быть лучше, чем возможность прикоснуться к дорожному прошлому? Наш человек-оркестр не мог ее упустить: присоединившись к долгожданным гостям, захавшим в его батальон, Андрей Андреевич дал пальцам вспомнить холод струн, своей игрой вселяя в товарищей уверенность в том, что наши души врагу не сломишь, а раны на теле вот-вот заживут.

Так, день за днем, буквально наводя над смертью мосты, Андрей Андреевич дошел до

самого Берлина, не истратив ни одной пули, и не получив ни одного ранения. Это звучит, как минимум, фантастически. Удача, дело случая, счастливчик – первое, что приходит в голову. Но всякая уверенность в счастливых случайностях развеивается, когда они начинают идти чередой. Это становится похоже на веление судьбы.

В Берлине Андрей Андреевич с товарищем был определен на постой к одной из семей. Время от времени им приходилось ходить в магазин – звала нужна. Это, конечно, вполне естественно и абсолютно безопасно, если не учитывать того, что «Бомбили страшно», как вспоминал Андрей Андреевич.

Бомбили и правда страшно. А те самые магазины представляли собой развалины, из которых, если постараться, можно было вынести кое-что съестное. Но, несмотря на очевидную опасность и по пятам следующую смерть, гибель на финише после стольких лет борьбы и бесконечной веры казалась просто невозможной.

Но судьба – женщина непредсказуемая, и в одну из таких вылазок сослуживцы все же попали под бомбежку. Механизм действий для подобной ситуации был давно отработан: упасть на землю ничком, не забывая о том, что главное - голова, а значит и внимания ее защите должно быть уделено больше. Вот и в этот раз они действовали строго по схеме.

Раздался оглушительный рев, товарищей накрыло клубами пыли, мешающей дышать. Дождавшись пока все стихнет и немного переведа дух, Андрей медленно поднялся и осмотрел себя, с радостью отметив, что все цело. Он с недоумением посмотрел на спутника, который все еще лежал на земле. На зов ответа не последовало. Сначала он подумал, что это обморок, и лишь перевернув товарища на спину, понял, что пыльная дорога Берлина стала последним, что он увидел перед смертью. Осколок попал точно в цель, добавив еще одну жизнь на счет войны.

Андрей Андреевич умер в 75 лет. Старость есть старость. А победу в бою со смертью еще никому не удавалось одержать.

Многие до конца своих дней пронесли с собой то, к чему их приучила война. Например, сигареты, дым которых заменял когда-то обед, стали вечными спутниками служащих фронта и работников тыла. Война не тронула их человеческие оболочки, но зато навсегда поселилась в душах.

Рожденный в рубашке Андрей Андреевич Тюлюпа стал одним из тех, кто не только не сломился под гнетом противника, но и пошел в наступление с яростным блеском в глазах и скрипкой в руках. А такой лакомый кусок оказался войне не по зубам.

Дарья Борисова

Война глазами ребенка

Больно вспоминать о тех огромных потерях, которые мы понесли, спасая человечество от фашизма. Трудно переоценить заслуги Героев Великой Отечественной войны. Невозможно мне, девушке XXI века, представить себя на их месте. Смогла бы я пережить весь этот кошмар? Я не знаю... Но не дай нам Бог испытать себя в подобном ужасе, заставившем содрогнуться весь мир.

Приближается 65-я годовщина Великой Победы. Ветеранов, наших бесценных героев, благодаря которым мы живем и здравствуем, с каждым годом на Параде девятого мая становится все меньше и меньше. Но живы еще свидетели той войны, которые в силу своего возраста не могли принять участие в защите Родины. Они были детьми. Детьми войны. Что они чувствовали? Как они жили? Как помогали фронту? Как переживали, глядя вслед нашей отступающей армии? Каково было жить в постоянном страхе?

Одним из мальчишек того времени был мой дедушка Иван Григорьевич Никитин.

Ему было всего шесть лет, когда началась война.

«Немцы пришли в деревню Тарасково Нарофоминского района в январе 1942 года. Начали они с того, что стали отнимать у местного населения домашний скот, продукты питания, валенки и теплую одежду. Они были безжалостны. Их не интересовало то, что дети оставались голодными.

Помню, была страшная бомбежка. У нас не оставалось другого выхода, кроме как уходить из родного дома в окопы. Только моя старшая сестра Варя, которой на тот момент было 17 лет, отказалась идти с нами. Она говорила, что хочет умереть в своем доме.

Моему брату Феде было восемь лет, когда он столкнулся со смертельной опасностью. Один немец, видимо, недовольный поведением брата, прицелился ему в голову.

Невозможно представить ощущения брата, в нескольких сантиметрах от которого стоял фашист, готовый в любую секунду выстрелить. Одному лишь Богу известно, что заставило этого человека направить оружие на ребенка. Мне становится страшно, когда я думаю, что могло случиться с Федей, если

Спаси нас, Боже

- С днем Рождения, папочка! - Крикнула 12-летняя дочурка Клава, вбегая в комнату и бросаясь на шею любимому папке. За ней показались 10-летний Коля и 8-летняя Валя. Все по очереди, толкаясь и смеясь, кинулись обнимать именинника.

- Спасибо, мои любимые! - Отозвался герой нашего повествования, — а чем это так вкусно пахнет из кухни?

- Мамочка приготовила тебе вкусный подарок, - ответил Николашка. - А я нарисовал тебе картинку. - Он протянул папе собственноручно нарисованную открытку с изображением их дружной семьи, в центре которой был любимый папа. Коля решил нарисовать его выше остальных, чтобы было понятно, кто главный и самый старший в семье. Фоном послужила полянка с зеленой травой, ярко светящим солнцем, а на нежно-голубых облаках Коленька разместил поздравительную надпись: С днем Рождения, Папуля!

Папа ласково улыбнулся, посмотрев на открытку, чмокнул Колю в лобик и, взяв девочек за руки, отправился на кухню. Мы веселая, шумная компания добралась до кухни, где последние приготовления перед праздничным обедом делала верная спутница жизни нашего героя и мама столь дружного семейства Зоя Савельевна. Стоило только увидеть ее взгляд, обращенный к мужу, как всякие слова теряли смысл. В нем было столько девичьей нежности, искренней любви и глубокого уважения, что создавалось впечатление, будто за 13 лет совместной жизни их любовь становилась все крепче и искреннее.

- С днем Рождения, Илюша, - тихо и невероятно нежно произнесла Зоя. - Мы тут с девочками приготовили твой любимый яблочный пирог и пирожки с картошкой. Только из печи, поджаристые. Давайте к столу!

- Когда же вы успели столько наготовить? Спасибо, мои любимые!

Все дружное семейство мирно уселось за стол.

Оставим их на некоторое время и поведаем, что шел 1941 год, начало мая... Было еще несовсем тепло, но сухо, а солнышко все чаще посылало теплые лучи расцветающей земле. Весна постепенно уступала место роковому лету сорок первого...

Илья Павлович ушел на фронт в первые дни войны. «Дорогая моя, Зоенька! Выкриал свободную минутку написать письмецо. У меня все хорошо. Меня переводят в 11-й артиллерийский минометный полк. Теперь буду воевать в Крыму, поговаривают об участии в Керченско-Феодосийской операции. Как там детишки? Очень соскучился по всем вам, родные мои. Ну ничего, надеюсь, скоро это все закончится, я вернусь, и мы, как раньше, соберемся за столом, и ты с девочками приготовишь наш любимый яблочный пирог. Поцелуй Коленьку, Клавочку и Валюшеньку.

Целую, мои дорогие...».

Илью Павловича действительно перевели в

бы не отец...

Немцам нравилось издеваться над нами. В тот день на мне был теплый шарфик, который связала мама. И кто знал, что именно за этот шарф немец со злобной усмешкой поднимет меня высоко над землей. Мне было только шесть лет, но я помню все, как будто это было вчера: его ледяные глаза, как быстро билось мое сердце, как мама целовала ему сапоги, умолая, чтобы он отпустил меня. Он отшвырнул меня, как собачонку, как надоевшую игрушку.

Нам иногда казалось, что этот ужас не закончится никогда. Чувство голода преследовало нас постоянно. Мама варила суп из крапивы, мы питались гнилой картошкой, которую, называли «тошнотиками».

Еще одна страшная картина отпечаталась в моей памяти: по чистому снегу, одетые в белое, шли солдаты. Сначала мы испугались. Мы не знали, кто это, думали, что немцы. Вдруг один из них не закричал: «Не бойтесь! Это мы – русские! Выходите, родные!». Они были как видение, как ангелы, прилетевшие к нам свыше. И мы выбегали к ним, кричали от радости, обнимались и плакали...

Они отбросили немцев от нашей деревни на несколько километров. Сколько погибших ребят лежало на окровавленном снегу... «Земля, как горелая каша», - писал в своем стихотворении «Высота» Владимир Высоцкий. Именно так можно было описать то, что мы увидели в тот день».

Тяжело вспоминать об этом. Жутко представить, сколько жизней унесла эта жестокая война, и какой отпечаток оставила она в сердцах и памяти людей и, тем более, в памяти ни в чем не повинных детей.

За что они должны были так страдать? Почему они должны были переживать весь этот ужас и страх, голод и холод? Как они живут с этими воспоминаниями?

Дарья Никитина

11-й полкна Керченский полуостров, где в мае 1942 года он попал в окружение. Фашистские войска прижали советских солдат к Керченскому проливу.

«Моя дорогая Зоенька, эти проклятые немцы окружили нас у Керченского пролива. Фашисты прижали нас к самой воде, у нас нет ни единого патрона, но мы продолжаем ожидать помощи с моря. Вы не волнуйтесь за меня, родные мои. Я обещал – значит вернусь. Ты же знаешь, Зоенька, я всегда держу свои обещания. Сейчас мы просто испытываем временные трудности. Колька там уже подрос, наверное, и уж выше Клавки теперь? Скучаю очень...

Нас тут очень много, и у всех разный настрой. Кто-то надеется и верит, терпеливо ожидая помощи, а кто-то так же терпеливо ожидает смерти. Так или иначе, повсюду витает страх. Страшно ли мне? Не знаю... Я делаю то, что велит мне долг и Родина. Может быть, бывают моменты, когда колеблешься. Но все равно идешь и идешь «непоколебимо». Это значит, что ты не подаешь виду. Мы просто не должны проявлять страх или, что еще важнее, не должны быть охвачены им. В конце концов, не существует ситуации, с которой не смог бы справиться ясный, спокойный разум. Опасность велика лишь настолько, насколько это позволяет ей наше воображение. А поскольку мысль об опасности и ее последствиях делает нас лишь неуверенными в себе, для самосохранения принципиально важно не позволять воображению одержать верх. Не знаю, сколько мы здесь еще пробудем, но одно я знаю точно, мы непременно встретимся и очень-очень скоро...».

Через несколько дней к берегу причалил пароход, но радоваться было рано: был отдан приказ эвакуировать только раненых. Что повлияло на исход событий, сказать трудно: либо счастливый случай, либо воля самой судьбы, а может, крепкая и непоколебимая вера человека в спасение. Офицер, руководивший операцией, попросил нескольких солдат помочь перенести раненых. Среди помощников оказался Илья Павлович. В итоге, он уплыл вместе с другими «счастливчиками».

Он воевал до победного конца. Весть о победе застала его в Вене. За время войны Илья павлович был дважды награжден медалью «За отвагу», а так же за взятие Будапешта, Вены и Белграда.

После войны Илья Павлович работал трактористом, затем был избран председателем колхоза. В 1968 году ему присвоили звание «Заслуженный колхозник» и наградили телевизором «Рекорд-64». Это был первый телевизор в деревне.

Илья Павлович — мой прадедущка. Его дочь Клавдия – моя бабушка, а ее сын Владимир — мой папа. К сожалению, я не застала прадедущку, он умер в 65 лет. А вот папа часто расспрашивал его о войне, но дедушка не любил рассказывать о тех событиях...

Инна Овчинникова

Сколько сил было вложено, сколько душ отдано...

На календаре была середина февраля. Зимний ветер с особой жестокостью старался разбить старые оконные рамы. Во дворе беспокойно выла собака. В подобные дни воспоминания сами забирают нас в цепкие объятия. Этим вечером я решила остаться у бабушки и помочь ей разобраться в старом шкафу, где среди всякого рода ненужных вещей можно найти что-то интересное и давно позабытое владельцами.

Из шкафа к моим ногам выпал пыльный потрепанный фотоальбом. Заинтересовавшись находкой, я осторожно взяла в руки эту вещь, которая, казалось, в любой момент могла рассыпаться. Пришедшая с чашкой горячего чая бабушка застала меня сидящей на полу с черно-белой фотографией в руках. Она подошла, взглянула на фото и застыла, увидев молодого человека в военной форме. Я спросила: «Это мой прадед Николай?». В ответ она утвердительно опустила голову.

Молодым парнем, так весело улыбавшимся мне со старой фотографии, был Николай Андреевич Фадеев. Я знала, что прадедущка отличился в войне, но никогда не интересовалась подробностями его фронтовой жизни. Увидев задумчивые глаза бабушки, я попросила ее рассказать о жизни прадеда. Мы уселись перед камином. Я по-прежнему держала фотографию в руках, и когда бабушка начала свой рассказ, глаза прадеда показались мне живыми, и я будто слышала повествование из его уст...

Родился я в 1922 году в деревне Пустынь Шиловского района Рязанской области. Моими родителями были добропорядочные люди, работавшие в колхозе, который находился в соседней деревне, куда я в последствии пошел в школу. Получил там семь классов образования, как мог, помогал своей семье. Осенью 40-го года меня призвали в армию. Я служил в пехотной части под Архангельском. В это время жизнь была суровой и голодной. Нам, молодым ребятам, постоянно находившимся на свежем воздухе, не хватало пойма и сна. Однажды к нам в полк приехали представители Ленинградского пехотного училища. Они проводили агитацию среди молодых бойцов, предлагая нам лучшую жизнь и звание офицера по окончании этого учебного заведения. В то время в стране особо ценились инженеры и офицеры. Люди этих профессий жили хорошо. Простому деревенскому парню предложение показалось заманчивым, и я поступил в училище. Жизнь там несильно отличалась от солдатской: все те же тяжелые физические нагрузки... Однако поек был лучше, обмундирование качественнее и относились к нам как к будущим офицерам.

Дальше была зима 41-го года. Тогда все дни смешались в один: мы учились и несли караульную службу. Я отчетливо помню, как пришло осознание первого дня войны. Ранним утром 22 июня нас подняли по тревоге и марш-броском вывели в запасный район, где было приказано рыть окопы полного профиля. Затем нас повели в училище. Потом все происходило как обычно: мы привели себя в порядок, сходили в столовую и отправились на плановые занятия. Прошло всего два-три часа, и нас построили на плацу училища и объявили, что фашистская Германия нарушила государственную границу и вторглась на территорию СССР. Через пару дней из состава курсантов-первогодок, коим являлся и я, был сформирован пехотный полк. В первых числах июля мы уже были на Ленинградском фронте. В течение

нескольких суток мы рыли окопы, а затем отступали. В молодых жилах текла горячая кровь, но нам запрещалось вступать в борьбу с фашистами. Долгожданная встреча с врагом произошла на пятый-шестой день моего нахождения на фронте. Молодые бойцы находились недалеко от леса, когда на горизонте показалась группа мотоциклистов. Мы, не надеясь попасть в цель, открыли беспорядочную стрельбу по противнику.

Время двигалось вперед, и я учился мириться с тяготами военной жизни. За это время со мной произошли эпизоды, которые изменили отношение ко многому. Однажды меня поставили в секрет (скрытое от противника место – один из способов разведки) и строго-настрого запретили спать, но я был молодым парнем и, не осознавая всю серьезность событий, заснул. Проснулся, почувствовав на себе чей-то взгляд. Открыв глаза, увидел над собой двух улыбающихся фашистских солдат. В руках у одного из них была моя винтовка. Молодые солдаты, такие же разведчики, как и я, повели меня в расположение вражеского лагеря. Фашисты были очень уверены в себе и не считали нас достойными противниками. Позабыв о всякой осторожности, они решили устроить привал и поест. Молодые солдаты дали мне кусок хлеба и, беспечно позабыв о своих автоматах, принялись есть. Прежде я никогда не видел немецкого оружия, но желание жить было настолько велико, что, схватив ближайший ко мне автомат, руки сами проделали необходимую операцию. Это был мой первый убитый враг.

Прошло какое-то время, и меня снова поставили в секрет. Как оказалось, прежняя ошибка ничему меня не научила, я снова заснул. На этот раз меня разбудил огромный немецкий солдат, который душил меня, навалившись сверху. Стоило огромных усилий подмять его под себя. Силы были явно не равны, и я не мог долго удерживать его в таком положении. Понимая, что это мой единственный шанс, я впился в горло противника, сжимая его до тех пор, пока враг не ослабел. Чувствуя преимущество, я вскочил и вонзил штык винтовки в грудь гитлеровцу. Это и стало мне уроком на всю жизнь – больше я ни разу не заснул при выполнении боевых заданий.

Позже я ни раз принимал участие в ответственных и опасных мероприятиях. Жизнь могла внезапно оборваться, но моя судьба сложилась удачно. Я был назначен командиром отделения, потом – замкомвзводом, а после – командиром взвода. Войну я закончил 30 апреля 1945 года в Берлине, недалеко от Рейхстага, где мне удалось в числе первых оставить свою роспись...

Бабушка закончила свой рассказ. Пока она говорила, вся эта история яркими картинками проносилась перед моими глазами. Медленно встав, я подошла к трюмо и стала разглядывать прадедускины награды: два ордена «Красного Знамени», орден «Александра Невского», два ордена «Отечественной войны», два ордена «Красной Звезды» и несколько боевых медалей. Чего стоят эти награды? Сколько было отдано для того, чтобы я, да и все мы, продолжали жить? До сих пор становится не по себе, когда думаешь, сколько душ и сил было вложено в победу.

После рассказанной истории я начала понимать, что от нашего поколения зависит, станет ли этот вклад напрасным или мы докажем, что не зря за нас отдавали жизни наши предки.

Анастасия Милованова

Завтра будет война

Нет семьи, которой бы ни коснулась Великая Отечественная война. Будь то ленинградцы или одесситы, жители Курска или Сталинграда – людей со всего Советского Союза сплотила война и переплела их судьбы.

Нина Алексеевна Каревская – старожил небольшого подмосковного города Королева (в годы войны – Калининграда), ветеран труда и человек, который стал свидетелем событий сороковых годов прошлого столетия.

Итак, год 1941-й. Семья Нины Алексеевны испытала сразу несколько ударов: двоюродный брат ушел в армию, умер отец, все заботы о семье и шестерых детях взвалились на плечи матери Анастасии Ивановны.

«Мама работала инструктором приготовленческого цеха на фабрике, она — одна из первых орденосцев предприятия. После смерти отца и начала войны мама практически не бывала дома. Помню, однажды она так устала, что, войдя в дом, упала прямо на пороге и заснула. О начале войны мне напоминает береза, посаженная старшими братьями 68 лет назад у могилы отца.

В то воскресенье, 22 июня, когда объявили о нападении Германии на СССР, я была дома. Однако весть о начале войны не создала паники: люди были уверены, что немец не дойдет до подмосковного Калининграда. Летом 1941 года мама отправила меня, одиннадцатилетнюю девочку, в пионерский лагерь в Черкизово, где я провела несколько последних недель своих каникул. Всех детей, находившихся в лагере, оставили на попечение девушек-вожатых: юноши ушли на фронт.

Воевать отправились и трое моих родных братьев. Но даже несмотря на спокойную обстановку в городе в первые месяцы войны, люди начали готовиться к бедствиям: дети, в том числе и я, откладывали конфеты и хлеб, которые выдавали в лагерных столовых. «Это на войну» — говорили мы, складывая в платочки сладости.

Первых раненых начали привозить в госпиталь «Сосновый бор», расположенный в Горках. И взрослые, и дети оказывали помощь бойцам, прибывшим в лазарет на «кукушке» — паровозе из трех-четырех вагонов.

Молодежь таскала носилки с ранеными, планшеты, солдатские сапоги; дети помладше собирали для солдат цветы.

Обстановка обострилась к осени 1941-го: наступил голод. В близлежащем поселке пекарню закрыли, и очередь за хлебом занимали в соседнем магазине с трех-четырех утра и стояли до позднего вечера. Из-за скудных карточных пайков и отсутствия денег приходилось питаться картофельными очистками и сухками, сваренными в кипятке.

На восьмое марта, помню, рабочие комбикормового завода, находящегося тогда в Лесных полянах, сделали нам подарок — выделили немного жмыха. В голодные годы это было настоящим счастьем!

Очень редко на столе появлялся сахар. Не такой, как сейчас — песок, а колотый. Тогда в магазине неподалеку еще не ввели продовольственные карточки, и мы ходили пешком до магазина на Ярославском шоссе. Однажды мы попали под сильную бомбежку, но, к счастью, остались целы и невредимы.

Голод тогда был страшный: помню, как умерших от истощения людей сбрасывали в глубокие кюветы вдоль улицы и делали братские могилы.

На наш город упали две бомбы, и обе — на жилые дома: один снаряд попал в дом на территории Костино, второй — в угловое здание рядом с яслями, Сельпо и минным заводом.

«В конце ноября 1941 года в поселок Первомайский прибыли войска сибиряков и латышей. Начальство расположилось в одной из комнат нашего дома, а рядом, в лесочке, организовали полевые кухни. В современных фильмах о войне солдат изображают в белых дубленках, а тогда кто был в шинелях, кто — в телогрейках, кто — в обмотках. Несколько дней солдаты провели в городе, а в ночь с четвертого на пятое декабря ушли. Пятого числа на северо-западном направлении мы видели, как все вспыхивало, и слышали залпы орудий. Это гремела битва под Москвой.

В поселке Первомайском было немало немцев, взятых в плен: кормили их в фабричной столовой, а они строили дома. Несколько зданий сохранилось до сих пор. Настоящих фашистов мы видели только в воздухе. Зимой, когда дети катались с горки на санках, немецкие самолеты целились прямо в ребятешек. А те потом собирали осколки вражеских снарядов. Дети — народ бесстрашный!

В 1941 году, когда я окончила четвертый класс, нас перевели в другую школу, где вместе с нами учились дети партизан. Там ко мне обратилась учительница ботаники: «Нина, пойдешь работать?» — и я согласилась. Нас отправили в Бурково, в колхоз Ворошилово. С мая по октябрь дети, такие же, как и я, пололи, а десятиклассники выполняли более тяжелую работу. После трудового дня каждому давали стакан молока, а в расположенном неподалеку магазине (мы его называли «голубой Дунай») нам как работникам колхоза выделялось по куску хлеба. По окончании сезона, поздней осенью, нам оплачивали трудодни овощами.

Но несмотря ни на что, мы и отдыхали: ходили в клуб. Там, в большом зале, показывали фильмы о войне. И мы верили, что наши победят...».

Елена Ганжур

Осколки воспоминаний

Тихий вечер. Конец лета. На лавочке перед домом трое: моя бабушка, ее соседка и я. Разрезая тишину, летит самолет.

- Шур, послушай, как гудит. Как во время войны!

- Да...

Повеяло холодом.

- Бабуль, а расскажи о войне, - шепотом прошу я и придвигаюсь поближе.

Накинув шерстяной платок на плечи, бабушка повествует:

«В 1941 году, когда началась война, мне было пять лет. Я жила вместе с семьей в этой самой деревне Малое Брянцево. В сорок третьем немец был уже в Кашире. С тех пор я помню все очень хорошо. Наша деревня была в опасности. Это был как бы рубеж между Каширой и Москвой, последний пункт. На горе стояли зенитки, которые перехватывали немецкие самолеты. Их было очень хорошо видно из окна. Немцы хотели взорвать мост на реке Пахре, чтобы прервать связь между нашими ключевыми пунктами. Было очень страшно, когда начиналась бомбежка. Самолеты гудели так, что стекла в доме дрожали. Проектора светили зениткам, чтобы те могли сбивать немцев. И когда происходила очередная схватка в небе, все было видно, как на ладони. Нас бомбили почти каждую ночь. К мосту они не могли пробиться и поэтому бомбы скидывали, где придется. А попал или нет – это уже было неважно. В огороде у нас было вырыто что-то вроде бомбоубежища. Как только объявляли по радио воздушную тревогу, мы сразу бежали туда. Обычно это было по ночам. Утром мы собирали осколки вокруг дома. Мой дедушка Ваня не ходил в бомбоубежище. Он все время говорил: «Да что мне ходить-то? Все равно скоро помирать». Однажды бомба упала так близко к дому, что крышу взрывной волной едва не сорвало. После этого он вместе с нами ходил прятаться. Эх... много всего я видела.

Папу моего, Петра Ивановича, несколько раз провозжали на фронт, но завод его все время возвращал. Он фрезеровщиком высокой точности на заводе ЗИЛ работал. Там и ночевал,

Уйти на смерть, чтобы вернуться героем

Когда я была маленькой, каждое девятое мая мы всей семьей, приезжали к дедушке в старый уютный домик в поселке Заря, около которого росло множество красных тюльпанов. Навстречу выбегал верный пес, дедушка Леша одевал свои синий пиджак, на котором помещалась лишь малая часть воинских наград. Он показывал благодарственные письма от президента, фронтовые снимки, а по телевизору обязательно шли старые фильмы. Но больше всего я любила, когда дедушка брал в руки балалайку и звуки музыки разливались по всему дому... Обычно дедушка Леша подолгу рассказывал фронтовые истории, самым ярким его воспоминанием было то, как он попал на фронт.

Сосланный на шесть месяцев в Берлин за погибшую лошадь, семнадцатилетний мальчишка попал в самый очаг войны. Властям было не до провинившихся мальчуганов, и его отпустили. Тамбовские ребята собрались в группу и пошли домой. Днем они спали, а ночью шли. Поскольку дедушка Леша был самым молодым, его заставляли бегать в город и просить денег у прохожих. Однажды он набрал на магазин, внутри которого никого не было, фашисты уже побывали и там. Под прилавком лежали новенькие сапоги, которые Алексей забрал себе. До дома было слишком далеко, и новая обувь не выдержала бы такого расстояния, и тогда он решил идти босиком, а сапоги нести в руках.

Алексея Иосифовича Арзамасцева забрали на войну 10 августа 1942 года, когда ему исполнилось 18 лет. Он стал младшим сержантом в 312-м гвардейском краснознаменном минометном полку, стреляя на «Катюше». Первую серьезную рану ему нанесли не враги, а любимый человек. Алексей получил письмо, в котором его девушка написала, что выходит замуж. Юный боец пережил эту потерю с достоинством и с еще большим рвением стал отдавать себя защите Родины. Он прошел от Сталинграда до Берлина! Берлин до сих пор помнит его, поскольку где-то там оставлена его личная подпись.

В те годы говорили: «Главное, что бы живой вернулся». Алексей Иосифович вернулся не просто живой, не просто с Победой, но и без серьезных ранений. На его груди красовались медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За взятие Берлина»...

Но насовсем домой он вернулся лишь в 1948-м году, потому что прямо с фронта Алексея забрали в армию. Из армии его ждала настоящая любовь, которая не побоялась времени и одиночества, любовь, которая продлилась всю жизнь.

В предсмертный час дедушка Леша крепко сжимал руку моего папы и в глазах у него не было страха, в них было только спокойствие. Он всегда говорил, что не боится смерти, потому что он выполнил свои долг перед Родиной и может уйти со спокойным сердцем.

неделями дома не появлялся, а мы беспокоились... А брат мой, Колька, в 1942 году пошел помогать на завод. 14 лет ему тогда было. Там они вместе с папой танки чинили.

Над Москвой запускали надувные аэростаты, чтобы немцам мешать. Как-то раз один аэростат упал в овраг за нашим домом. Сначала все испугались, а потом те, кто посмелее, пошли посмотреть. Витоге, всей деревней порезали его на куски ткани, так что в каждом доме одинаковые занавески висели.

А вообще дефицит всего был. Дров у нас не было. Вот сидим мы с тобой сейчас на лавочке, а во время войны она бы давно была в печке. Топить было нечем – ходили в лес, деревья таскали. Мама моя, Анастасия Тимофеевна, березу один раз тащила на себе, а за ней лесник побежал. Вот потом она до конца жизни мучилась с плечом: повредила, видать.

Ой, а мама у меня была вообще замечательная женщина, в колхозе работала. Во время войны люди голодали, по деревне часто ходили, милостыню просили. Нам-то проще было: отец карточки получал. Вот на них продукты и покупали, голодными не были. Картошка была, потому что был свой огород. А у кого-то и картошки не было. Как у нашей тети Лиды. Мать ее работала, брат погиб в первые дни войны. В обед она приходила к нашему дому и стояла у калитки. Мать, как увидит ее, зовет кушать с нами. Хорошая мама была, добрая. Настенька... в честь нее мы тебя назвали, внученька». Бабушка заплакала, и мне стало грустно.

- Бабуль, а ведь скоро годовщина Победы в Великой Отечественной войне – 65 лет.

- Да, у нас в деревне памятник погибшим обещали поставить весной. В Яковлево и Потапово стоят, а у нас – нет. Место никак найти не могут: все застроили, ставить негде. Надеюсь, найдут хоть клочок земли.

- Хотелось бы верить...

Анастасия Писарь
Воспоминания Нины Петровны
Сапожниковой
(в девичестве – Митрофановой)

День или ночь, жара или холод – все это не имеет значения, когда вокруг тебя идет война.

О войне не хочется говорить, о войне хочется забыть

Мой прадедущка Павел Михайлович Лотарев не любил рассказывать о войне, он считал, что это неправильно. Говорил, что война-это страшный голодный зверь, уносящий миллионы людей; кровавая пелена, укутавшая тысячи городов; огромная игла в сердце, приносящая боль каждому. Война - это страх тишины, война - это зло, самое страшное зло!

Последний его рассказ, который я помню, был про друзей. Друзей, которых он потерял...

«У притухшего костра собралась небольшая компания с винтовками. Присели передохнуть. Три часа мы шли без остановки по пыльной проселочной дороге, покидая наши любимые и дорогие памяти места. Вот и поле, пожелтевшее от пшеницы... Дай запомню я тебя таким, дай запомню шорох твоих колосьев, запах земли. Вы знаете, земля так вкусно пахнет! Твоя земля, родная, не чужая. Скоро, милая, ты забудешь Митю, Колю и меня, забудешь, как мы вспахивали тебя на летних работах, скоро мины и бомбы сделают это за нас... Дай я запомню тебя такую простую и родную. Ты - последнее, что я вижу, ты - золотая грань, за которой мне придется оставить отца и мать. Защищай их, как можешь, защищай до последнего, а я пойду защищать тебя, ведь если не я, то кто? - Паша, дай прикурить, - потирая ладони над костром, обратился ко мне Митька.

- Так если б было, то дал!

- Что, совсем ничего? Даже соломы не найдется? - Встрял в разговор Коля.

- Соломы-то навалом, бумаги нет, - ответил я, вытаскивая прутиком уголек из костра.

- Так погоди, как нет? А зачетки? Они-то нам на что теперь? Все равно воевать будем – потеряются, а так хоть на пользу пойдут, - Митя улыбнулся.

Да и, правда, на что теперь она нужна, зачетка? Кому какое дело, что я был отличником... Мы с парнями достали из карманов зачетки и вырвали пару страниц – теперь и покурить можно. Я затынулся, едкий дым прожег горло и легкие, из глаз брызнули слезы, и я выбросил недокуренную сигарку – ну и дрянь! - Ничего, привыкнешь! - сказал старик.

Я прислонился к сосне и закрыл глаза, вспоминая свое золотое поле, свой университет, своих однокурсников. Интересно, как они там, как девчонки наши? Оставили мы их совсем одних, без защиты...

А кто знал? Кто знал, что нас, четверокурсников, 26 июня 1941 года призовут в армию, призовут служить Родине?

Мне было 20 лет, когда вместо долгожданной пятерки я получил конверт... Такие же получили и Митька, и Коля с параллельного. Одинаковые желтые конверты с одинаковым посланием, разве что имена и фамилии были разные.

Сейчас, конечно, я уже не помню, как выглядел Митя, да и Колю совсем забыл, просто помню, что были мы хорошими друзьями... Война вообще стирает все. И не только память, любовь, но и веру, веру в себя...

С утра нас разбудили веселые крики ребят. «Домой, домой», - кричали они.

Подождите, как домой? Да мы даже до границы не дошли! Да я же ни одной пули не истратил! А медали... Медали? Я же обещал матери принести на груди кучу медалей!

- Подожди, стой! - Схватил я парня, который подкидывал вверх фуражку. - Как домой?

- Ты что, приказа не слышал? Всех старшекурсников отправлять назад учиться. Только документы предъяви, и ты уже дома.

Голова моя загудела, а руки вспотели.

- Какие документы? - Еле выговорил я.

- Ну как какие? Зачетки!

Парень вырвался и убежал счастливый, все так же размахивая кепкой в воздухе, а я бросился ко вчерашнему костру, пытаюсь отыскать хоть что-то похожее на мой документ. Ни одной бумажечки не сохранилось, ни одного маленького кусочка! Сначала необъяснимое чувство волнения пробежало по моему телу, затем радость, что я сдержу свое обещание и принесу маме медали, затем снова волнение и, наконец, слезы...

Мы снова уходили вдаль... Три однокурсника, три друга: Митя, Коля и я. В самом первом бою мы потеряли Колю. Он всегда говорил, что не умеет обращаться с винтовками, да и кто его мог научить? Мы сами толком не умели, просто знали, что нужно зажмуриться и бежать, бежать и стрелять. И только вперед, вперед... Всегда вперед.

Когда мы с Митей шли на смерть, мы пели. Пели не только мы, пела вся наша рота, а перед боем, в самый страшный момент, момент ожидания атаки, мы тихонько прощались друг с другом, потому что знали, что после боя кого-то мы уже точно не увидим.

Год мы воевали с Митей бок о бок, защищая и прикрывая друг друга. Но войне не правилась наша дружба, не нравились ей наши победы, наши «Ура», слезы счастья.

- Беги быстрее! Сейчас снова бомбить будут! - Орал мне Митя.

- Куда, куда бежать?!

- Сюда, сюда! В одно и тоже место бомбы не попадают, - Митя прыгнул в воронку, которая еще дымилась...

Я бежал, то и дело перепрыгивая своих только что живых товарищей. Бежал, пригибая голову от пул, бежал пока хватало сил, сжимая винтовку, ведь если не она, то я – труп. Из воронки руками махал Митя, что-то крича, но я его плохо слышал: взорвавшийся рядом снаряд оглушил меня, и я упал на землю.

- Митя, - прошипел я, - осторожно!

Яркая вспышка. В ушах эхом раздался крик Мити «В одно и тоже место бомбы не падают». Может, и не падают, может быть, мне просто показалось, но Мити не стало... Теперь в даль отправлялся я один...

Каждый день на войне проходит за год, и мне казалось, что я становился взрослее, но не таким взрослым, каким хотел бы быть. Я стал пугающе взрослым. Война исказила мои детские черты и превратила их в старческие морщины. Сейчас они напоминают мне о минувших днях.

Спустя полгода я стал лейтенантом, и мне пришлось командовать своим отрядом. Я был самым молодым - всего-то 22... Мы освободили Венгрию и Чехословакию. Я дождался Дня Победы, дождался медалей, дождался возвращения домой...

За годы войны я научился спать стоя, часами стоять в ледяной воде, терпеть голод. За годы войны я потерял друзей, так и не приобретя новых. За годы войны я смог защитить сове золотое поле, а оно смогло защитить моих близких...».

О войне не хочется говорить хорошо или плохо, не хочется вспоминать страшные моменты потерь. Зачем ворошить прошлое? Война – это грязный и тяжелый труд, это боль матерей и тихие слезы отцов, еле слышный стон земли и твоего товарища. Война – это смерть и трусов, и храбрых, а победа – это подарок жизни героям.

Дарья Киприянова

Юрий Ныркков: генерал-майор из ЦДКА

Вступая во взрослую жизнь, советский школьник Юра Ныркков и не предполагал, что в истории ему предстоит оставить поистине глубокий след: пройти войну, дослужиться до звания генерал-майора и стать блистательным футболистом, неоднократным чемпионом и обладателем Кубка страны.

...Когда шел 41-й год, шестнадцатилетний Юра был обычным игроком команды стадиона Юных пионеров. Но тут грянула война. 29 июня пареньку исполнилось 17, и на следующий же день он пошел в военкомат. Там сказали, что на фронт еще рано, и послали с путевкой райкома комсомола под Вязьму рыть окопы. А уже в 42-м направили в Тамбовское артиллерийско-техническое училище. Через десять месяцев командир взвода боепитания самоходной артиллерии, младший техник-лейтенант Юрий Ныркков принял боевое крещение на Калининском фронте.

Повоевать пришлось и на первом, и на втором, и на третьем Украинских фронтах, а закончил он войну на первом Белорусском. Штеттин, Кюстрин, знаменитый штурм с прожекторами, придуманный маршалом Жуковым, и Берлин. Вот такая у Нырккова была война.

За это время он заслужил два боевых ордена Отечественной войны – I и II степени. Первый – за успешное снабжение боеприпасами наших самоходок в наступлении, второй – на подступах к Берлину, когда ему, двадцатилетнему командиру танкового взвода, несмотря на разбитые машины, удалось найти маршрут, вовремя выйти в указанный район со своим экипажем и этим обеспечить дальнейшие боевые действия полка.

Наступил мир, но группировка советских войск по-прежнему дислоцировалась в Германии. И вот тогда Ныркков вспомнил, что в прежние времена серьезно занимался футболом. Командир полка подполковник Румянцев приказал ему организовать футбольную команду, чтобы выступать на первенстве дивизии. Совсем скоро слава о новом коллективе прогремела по всей армии, и осенью 1946 года в гости к Нырккову и компании приехала знаменитая команда ЦДКА.

Несмотря на то, что визитеры обыграли артиллеристов в двух матчах с очень внушительными счетами, спустя пару месяцев Юрию Александровичу сообщили о том, что армейцы всерьез им заинтересовались. «Я сказал, что никуда не поеду, – вспоминал Ныркков. – Почему? Во-первых, здесь, в группе войск, я обрел некоторое положение: меня уважают, со мной считаются, у нас неплохая команда в третьей ударной, хорошая сборная группы. А там, в Москве, еще неизвестно, сыграю ли. ЦДКА – чемпион страны. Там же звезды! Словом, отказался. Я ведь и не рассчитывал продолжать спортивную карьеру, становиться профессиональным футболистом. Я хотел быть военным – закончить академию и служить».

Впрочем, руководители армейского клуба всегда умели настоять на своем. Как они разглядели в молодом парне будущую звезду — остается загадкой. Но совсем скоро в жизни Юры произошел крутой поворот.

«Девятого мая 1947 года мы встретили праздник Победы в Потсдаме и легли спать, – рассказывал Ныркков. – Вдруг, часов в пять утра меня поднимают двое

летчиков.

– Собирайся!

– Подождите, у меня же с собой ничего нет!

– Ничего, ничего, давай!

Без вещей, без загранпаспорта, без денег... Собрал в чемодан то, что было у меня на базе в Потсдаме и – на аэродром. Через несколько часов мы приземлились в Быково. На электричке, естественно, без билета доехал до Москвы, а там, в трамвае, попросил у девушки денег на проезд. «Я, – говорю, – Вам отдам, только номер телефона свой оставьте». Она дала. Вот так я совершенно неожиданно для моих родных, да и для себя самого оказался в Москве».

Совсем скоро новичок армейского клуба начал тренироваться и довольно быстро убедил всех, что боролся за него не зря. Незаменимый игрок оборонительной линии легендарной «команды лейтенантов», трехкратный чемпион и обладатель Кубка СССР, член национальной сборной, участник Олимпиады в Хельсинки, заслуженный мастер спорта.

Ныркков оставался символом мужества советских солдат и успехов армейского футбола всю свою долгую жизнь. По окончании игровой карьеры поступил в Академию бронетанковых войск, занимал различные руководящие армейские посты. В 1980 году Юрию Александровичу было присвоено звание генерал-майора. Случай, наверно, беспрецедентный для профессионального спортсмена, хотя Ныркков никогда не считал себя «профи».

В последние годы жизни Юрий Александрович занимал руководящую должность в фонде ветеранов армейского футбола имени Григория Федотова, помогал своим коллегам-футболистам.

К счастью, этот человек был хорошим знакомым моего отца. С начала работы в ПФК ЦСКА, с 2003 года, папе повеселилось не раз общаться с Юрием. Некоторые истории, описанные мной выше, футболист с воодушевлением рассказывал отцу каждый раз, когда была возможность повидаться. Но, к сожалению, их дружба продлилась недолго. В 2005 году, вскоре после 80-ти летнего юбилея, Юрий Ныркков скончался.

Валерия Якунчикова

«Теперь продержимся...»

«Мне далеко за девятнадцать», — говорит, кокетливо улыбаясь, Лидия Ивановна Полякова. Несмотря на то, что детство ее прошло в блокадном Ленинграде, она не перестала радоваться жизни.

«Я помню предвоенные годы, которые потом, в блокадные дни, казались сказкой, – вспоминает Лидия Ивановна. – Мы жили вчетвером в одной комнате в коммуналке на улице Седова. Папа служил в военной охране, мама не работала, воспитывала нас с сестренкой Ниной».

Помню, как сейчас: солнечный день, звуки репродуктора на столбе возле детской площадки... С ребятами со двора мы часто играли в войну и, когда услышали извещение о нападении Германии на СССР, сразу не осознали масштаб горя, обрушившегося на наши семьи. А что с нас взять? Дети...

Начался голод, в первую неделю выдали карточки на продукты. Стали эвакуировать детей, но наша семья осталась в городе: никто не предполагал, что блокада продлится так долго...

Примерно через два месяца папа умер от голода, когда шёл на работу. Его похоронили в братской могиле. Мама осталась с двумя детьми (мне было восемь лет, а сестренке – два годика) без средств на существование.

После смерти отца она была вынуждена пойти санитаркой в госпиталь. К этому времени в Ленинграде уже не было ни отопления, ни света, ни водопровода. Жили мы на крохотной кухне: там было тесно, но хотя бы теплее, чем в других комнатах. Нас с сестренкой мама клала спать на чуть-тёплую плиту, а сама ложилась на пол. Одной из главных проблем было отсутствие дров. Мамина сестра помогала нам собирать доски для топки плиты. Мы пилили мебель: комод, стулья, столы – ничего не было жалко. «Теперь продержимся», — говорила мама радостно.

Она работала сутками, а мы сидели одни в квартире и все смотрели в окно, ждали ее. Поначалу, когда объявляли воздушную тревогу, мы с сестрой бежали прятаться в бомбоубежище, а потом привыкли и стали оставаться дома.

Все время хотелось есть. Мама иногда приносила с работы кусочек хлеба или жмых. В будке во дворе жила овчарка по кличке Муха. Как жалобно она смотрела на нас: тоже хотела есть. А потом пропала... Скорее всего, ее и саму съели.

Люди начинали сходить с ума, пытаясь любым способом утолить голод. В опасности были старики и дети, поэтому мама очень боялась оставлять нас одних. Ничего съестного у нас практически не было, и мы с сестренкой понимали, что те крохи, которые мама приносила домой, нужно беречь.

Помню, как мама однажды куда-то уехала на весь день и наказала нам не есть тот кусочек хлеба, который был спрятан в кастрюльке, до ее возвращения. Она вернулась только к ночи. «Вы, наверно, съели тот хлеб, что я оставила утром?», — спросила она. А потом увидела, что мы к нему так и не притронулись, и заплакала... До сих пор не понимаю, как маме удалось выжить самой и сберечь нас с Ниной.

Мамины сестры погибали, а у меня началась цинга, десны очень болели. Я часто вспоминала нашу довоенную жизнь: поездки в Нижегородскую область к бабушке, катание на лошадях. Вспоминала, как мама и тетя уговаривали меня выпить какао с печеньем и хоть что-то еще поесть, а я не хотела...

Когда вновь заработали школы, мне было уже десять лет. А война продолжалась, мы всем классом ходили рыть окопы. Нам, подросткам, хотелось помочь Красной Армии. Я бы, кажется, смогла ночью пойти одна в лес к партизанам и выполнить любое их задание, чтобы поскорее избавиться от проклятых фашистов. Жизнь постепенно налаживалась, хотя и продолжались бомбежки. В школе нас, наконец, начали кормить обедами, Нина пошла в детский сад, и маме стало легче. Она стала приносить конфеты-подушечки и просила меня продавать их поштучно, а на вырученные деньги покупать хлеб. Люди радовались добрым переменам: первому трамваю, со звонками идущему по Ленинграду, увеличению хлебных норм до 400 грамм.

...Гремел 1945-й. Однажды наш учитель Харитон Иванович вбежал в класс: «Слушайте радио!». Голос Левитана оповестил нас об окончании войны. Мы все обнимались и плакали. Девятого мая по набережной Невы проходили войска Ленинградского фронта. Я успела нарвать цветов и подошла к Володарскому мосту встречать военных, протянула букетик усатому всаднику, а он нагнулся, приподнял, поцеловал меня, взял цветы и заплакал.

После окончания войны мы с подружкой пошли в кино на фильм «Поединок», после сеанса купили мороженого, а потом обнаружили, что денег на обратную дорогу у нас не осталось, а ехать далеко. Тогда я подошла к какому-то прохожему: «Дяденька, дайте, пожалуйста, тридцать копеек на дорогу», — попросила я, и мужчина, улыбнувшись, протянул мне целый рубль. Как же мы тогда были счастливы! Когда я благополучно вернулась домой, мама с Ниночкой сварили компот из сухофруктов, и мы пили его, заедая белым хлебом, и вспоминали о папе и сёстрах... Мы выжили, а значит победили!».

Елена Ганжур

Дружба

Орган Ученого Совета Российского университета дружбы народов.
Учредитель – РУДН. Зарегистрирована в Госкомпечати РФ №018324
Издаётся с 1962 года. Выходит два раза в месяц.
Адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 9, каб. №207.
Редакция газеты «Дружба». Контактный телефон: 434-3133
E-mail: redaktor.dr@gmail.com

Отпечатано в ИПК РУДН Заказ № Тир. 1000

Главный редактор:

Редакция:

Дарья СБРУЕВА

Елена АКИМОВА

Ксения БЕЛЕВИЧ

Татьяна ПАПКОВА

Марьяна ФЕСЮК

Кира ДАГАЕВА

Алина ДАВИДЕНКО

Игорь СУЛЕЙМАНОВ

Дизайн:

Верстка:

RDI

При перепечатке ссылка на «Дружбу» обязательна.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.
За достоверность фактов, фамилий, цифр ответственность несет автор публикуемого материала.